

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ тринадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

13-го Апрѣля 1875 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1875 г. по 20 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 15.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

— Указомъ Св. Синода дано знать, что удостоены сана протоіерейскаго, за отлично-усердную службу по епархіальному вѣдомству священники церквей: Озерской—Гродненскаго уѣзда, *Адамъ Михалевичъ*, и Пожежинской—Брестскаго уѣзда, *Иосифъ Павловичъ*.

Мѣстныя Распоряженія.

— Назначеніе. 4-го сего Апрѣля, вакантное мѣсто при Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ предоставлено б. столоначальнику консисторіи, губерн. секретарю *Александру Крестовичу*.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты, журнальнымъ постановленіемъ консисторіи, утвержденнымъ преосвященнымъ *Евгеніемъ*, епископомъ Брестскимъ 6 сего Апрѣля, къ *Докудовской* церкви, Лидскаго благочинія, на слѣдующее трех-лѣтіе крестьянинъ с. *Докудова Михаилъ Венедиктовъ Коханъ*.

Мѣстныя Извѣстія.

Отъ Правленія Литовск. дух. Семинаріи.

(Къ свѣдѣнію).

Правленіе Литовской Духовной Семинаріи, въ педагогическомъ собраніи своемъ 5-го прошлаго Марта, обсуждая мѣры къ уменьшенію малоуспѣшности учениковъ, между прочимъ, постановило: 1) рекомендовать родителямъ слабоуспѣвающихъ учениковъ приглашать, или нанимать для нихъ репетиторовъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ ихъ товарищей; 2) обязать своекоштныхъ учениковъ, чтобы они немедленно приобрѣли для себя и впредь всегда имѣли необ-

ходимые для каждаго изъ нихъ учебники и пособия, принятыя въ семинаріи, что требуется отъ нихъ и 15-мъ пунктомъ „правилъ поведенія“ и на что родители ихъ, конечно, не откажутся дать имъ нужныя средства. Постановленіе это утверждено Его Высокопреосвященствомъ 20 Марта и печатается въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ во всеобщее извѣщеніе духовенства Литовской епархіи.

— Отъ Редакціи. Редакція проситъ оо. Благочинныхъ: Клецельскаго, Дорогичинскаго и Брестскаго, а равно настоятелей церквей нѣкоторыхъ др. благочиній поспѣшить высылкою подписныхъ денегъ за 1874 г., а Дорогичинскаго благочиннаго—и за 1873 годъ.

— Вакансіи—Священниковъ—въ с. *Деликовостъ*—Брестскаго уѣзда, въ с. *Занороцъ*—Свенцянскаго уѣзда, въ с. *Стришовъ*—Кобрин. уѣзда. Псаломщиковъ: въ с. *Мизирахъ* и м. *Ружанъ*—Слоним. уѣзда, въ *Козачизнѣ*—Ковенской губерніи, въ с. *Светлямахъ*—Свенцянскаго уѣзда, въ с. *Голомысль* Диснен. уѣзда, *Цуденишкахъ*, *Интуркахъ*—Вилен. уѣзда, въ с. *Крайскѣ*—Вилейскаго уѣзда, въ с. *Бялоствѣжъ*—Пружанскаго уѣзда, въ с. *Приборозь*—Брестскаго уѣзда и въ г. *Ошмянѣ*.

Неофициальный Отдѣлъ.

П А С С І Я.

Въ пору смутъ и нестроений, волновавшихъ, въ продолженіи почти двухъ вѣковъ, весь югозападный край Россіи, іезуиты, эти пресловутые янычары папизма, употребляли всѣ мѣры къ подавленію православія, въ томъ, весьма вѣрномъ, убѣжденіи, что стоитъ лишь отторгнуть отъ церкви православной народонаселеніе, и оно сдѣлается послушнымъ орудіемъ папства и откроетъ прямой путь къ самому сердцу Россіи. Доведенное до нищеты духовенство, лежавшіе въ развалинахъ и запустѣвшіе храмы православныя, самая вѣра, прозванная «хлопскою», а исповѣдники ея «схизматиками», постепенное отнятіе у нихъ гражданскихъ правъ и привилегій—все это было плодомъ ихъ сатанинскихъ усилій, кончившихся отпаденіемъ лучшей части западнаго и югозападнаго

народонаселенія отъ Православія въ католицизмъ, или въ неменѣе гибельную для русской народности унію.

Но еще оставалась крѣпкою вѣрѣ православной громадная масса народа, на которую нельзя было дѣйствовать тѣми мѣрами, какія съ успѣхомъ были принимаемы противъ того класса народонаселенія, который дорожилъ старинными своими привиллегіями и пользовался огромнымъ значеніемъ въ краю. Насилія и притѣсненія не помогали: нужно было дѣйствовать на эту неподатливую массу поражающею виѣшностию, — и такимъ образомъ, въ то время, когда въ полуразрушенныхъ и ограбленныхъ храмахъ православныхъ теплилось нѣсколько свѣчекъ изъ желтаго воску, и слышался одинокій голосъ невкуснаго пѣвца, — въ богатыхъ и роскошныхъ костелахъ, при яркомъ освѣщеніи многихъ тысячъ свѣчей, раздавались звуки органовъ, совершались торжественныя церемоніи, на которыя собирался жадный до зрѣлищъ простодушный народъ, самъ не замѣчавшій того, что, послѣ двухъ-трехъ такихъ посѣщеній, онъ выходилъ изъ костеловъ уже полукатоликомъ, и не думалъ уже сѣбѣ и въ свои убогіе храмы, удовлетворивъ, какъ ему могло казаться, религиозному своему чувству. Особенно эти богослужебныя церемоніи сильно дѣйствовали во дни Великаго Поста. Въ то время, когда въ храмахъ православныхъ все дышало тишиной и призывало къ молитвенному самоуглубленію, — въ костелахъ шумно отправлялись церковныя торжества съ увлекательными декораціями, при чтеніи страстныхъ евангелій и краснорѣчивыхъ поученій, — и народъ толпами стремился на эти пассіи, обольщаемый увѣреніями папистовъ, что молиться вездѣ можно, что и католики и «схизматики» вѣруютъ единому Богу, что евангелія читаются въ костелахъ тѣже самыя, какія находятся и въ русскихъ церквахъ, да только тамъ не читаютъ ихъ народу въ такіе великіе дни.

Дѣйствовать противъ увлеченія православныхъ предостереженіями, запрещеніями и угрозами было бы напрасно; нужно было прибѣгнуть къ другой мѣрѣ, противопоставивъ великопостному католическому богослуженію такое же богослуженіе къ духу церкви православной. И вотъ, по инициативѣ незабвеннаго митрополита кievскаго, Петра Могила, и въ русскихъ храмахъ открывались пассіи, съ тою же торжественною, но болѣе духовною обстановкой. Въ самомъ непродолжительномъ времени, отправленіе этихъ пассій распространилось по всему заднѣпровью, и такимъ образомъ одна изъ мѣръ окатоличенія православнаго народа оказалась недействительною.

Пассія происходитъ отъ латинскаго слова *passio* — страданіе, такъ какъ въ положенные для того дни читается исторія страданій Искушителя міра. Пассіи совершаются обыкновенно по пятницамъ первыхъ четырехъ недѣль Великаго Поста, и болѣею частью предъ малымъ повечеріемъ. Въ первую пятницу прочитывается исторія страстей Христовыхъ по евангелію отъ Маттея, во вторую — отъ Марка и т. д. Мѣстныя иконы на это время закрываются иконами страстными, изображающими страждущаго Спасителя и Богоматерь, въ моментъ стоянія ея при крестѣ Сына своего и Бога. Молящіеся стоятъ, при этомъ, съ возженными свѣчами. Богослуженіе открывается обычнымъ началомъ и, по прочтеніи 50-го псалма, поется стихира: *Тебе одыющагося свѣтомъ, яко ризою; послѣ сего, читается Евангеліе, по окончаніи котораго поется пѣснь: Приидите, ублажимъ Іосифа приснопамятнаго, и наконецъ, произносится соответствующее сему слово.*

Богослуженіе это производитъ необыкновенно оживляющее впечатлѣніе на вѣрующихъ. Особенно оно торжественно бываетъ тамъ, гдѣ имѣется благоустроенный хоръ пѣвчихъ и златословесный пастырь. Въ дни Великаго Поста, когда, по намѣренію Церкви, изъ ежедневнаго богослуженія устраняется все, болѣе или менѣе торжественное, когда самое пѣніе принимаетъ характеръ самой строгой простоты, и когда имѣется въ виду лишь тихій плачъ о грѣхахъ своихъ и сокрушеніе духа, пассіи служатъ средствомъ къ облегченію напряженнаго состоянія религиознаго чувства, размягчающагося до слезъ. Потому-то намъ представляется не противнымъ уставу Церкви, еслибы установленіе, оправданное многолѣт-

нимъ опытомъ въ югозападной Россіи, сдѣлалось всеобщимъ во всѣхъ концахъ нашей обширной, православной земли. (*)

(Дом. Бес.)

— **Депутация отъ духовенства и прихожанъ холмской епархіи, накануне отъѣзда своего изъ С.-Петербурга, откланивалась министру внутреннихъ дѣлъ,** генералъ-адъютанту Тимашеву, въ вѣдѣніи коего находятся дѣла по греко-уніатскому исповѣданію. При этомъ администраторъ епархіи, протоіерей Попель, выразилъ министру искреннюю благодарность духовенства за постоянное со стороны министерства вниманіе къ нуждамъ епархіи, и, сверхъ того, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ министра за ту предусмотрительную заботливость, въ которую члены депутации были приняты въ Петербургѣ. Съ своей стороны, министръ внутреннихъ дѣлъ, пожелавъ депутации благополучнаго пути, выразилъ, что приходскимъ священникамъ предстоитъ нынѣ высокая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и многотрудная обязанность укрѣпить и упрочить въ народѣ дѣло, которому положено столь счастливое начало. «Духовенство — сказалъ министръ — было осчастливлено самымъ милостивымъ приѣмомъ Государя Императора и самымъ благосклоннымъ вниманіемъ со стороны членовъ св. синода. Изъ этого вниманія со стороны русскихъ іерарховъ оно могло убѣдиться, что православная церковь, какъ изволилъ выразиться Его Императорское Величество, принимаетъ ихъ въ настоящее время съ распростертыми объятіями. Вы видѣли также — присовокупилъ министръ — съ какими радушіемъ встрѣчали васъ повсюду частныя лица и все вообще, русское общество и потому позволяю себѣ надѣяться, что кратковременное пребываніе ваше въ столицѣ никогда не изгладится изъ вашей памяти. Что касается вѣреннаго мнѣ министерства, то, въ настоящее время, вы можете вполне рассчитывать на скорое снабженіе наиболѣе нуждающихся приходовъ церковною утварью и облаченіями изъ тѣхъ средствъ, которыя отпущены на сей предметъ отъ щедротъ Государя Императора».

Прощаясь съ крестьянами, министръ высказалъ увѣренность, что они сохранятъ навсегда въ памяти день, въ который они удостоились быть представленными Государю Императору и слышать милостивыя слова Его Величества. Затѣмъ министръ убѣждалъ крестьянъ остерегаться болѣе всего злонамѣренныхъ распространителей ложныхъ и нелѣпныхъ слуховъ и имѣть полное довѣріе къ приходскому духовенству.

(*) Пассіи существуютъ не въ одномъ только Кіевѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ епархіал. и уѣздныхъ городахъ юго-и-западной Россіи. Намъ говорили, что онѣ совершались и въ г. Брестѣ, не знаемъ совершаются ли теперь. Онѣ не только полезны, но и необходимы въ виду того, какими церемоніями, проповѣдями и т. п. обставляются въ великомъ посту, въ воскресные дни, такъ называемые „непшоры“ (вечернее богослуженіе) у католиковъ, привлекающія и православныхъ.

Къ числу особенностей великопостнаго времени въ Кіевѣ, въ Лаврѣ, нужно отнести и то, что въ великомъ храмѣ Успенія Богоматери, на иконостасѣ, помѣстныя иконы замѣняются страстными изображеніями Спасителя въ преторіи Пилата, и Богоматери въ часы скорби ея, при видѣ великой жертвы. И этотъ обычай существуетъ, по крайней мѣрѣ существовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ здѣшняго края, напр. въ г. Диснѣ. (Ред.)

и мѣстнымъ властямъ, къ которымъ они и должны обращаться за разъясненіями во всѣхъ встрѣчаемыхъ недоумѣніяхъ.

Наконецъ, генераль-адъютантъ Тимашевъ объявилъ выбраннымъ отъ прихожанъ, что, по всеподданнѣйшему его докладу о томъ, что для отправления въ Петербургъ были выбраны люди, отличающіеся особенно похвальнымъ поведеніемъ, Государю Императору благоугодно было Высочайше пожаловать всѣмъ находящимся въ составѣ депутаціи мѣщанамъ и крестьянамъ серебряныя медали съ надписью «за усердіе».

Выборные подходили по очереди къ министру и получали изъ рукъ его медали и, сверхъ того, по небольшой иконѣ въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ.

Эту новую милость Государя Императора крестьяне приняли съ глубокимъ благоговѣніемъ, и каждый изъ нихъ, прежде чѣмъ принять икону, прикладывался къ ней, набожно освящая себя крестнымъ знаменіемъ.

1-го сего апрѣля, въ 11 часовъ утра, депутація выѣхала изъ С.-Петербурга въ Варшаву.

— **Депутація отъ Холмскаго греко-уніатскаго духовенства**, въ прошлое воскресенье, 30 Марта, послѣ завтрака, бывшаго у высокопреосвященнаго митрополита, по случаю хиротоніи Иоанна, Епископа Чебоксарскаго, посѣтила ректора духовной академіи, о. І. Л. Янышева, и инспектора оной М. О. Кояловича, который подарилъ каждому изъ депутатовъ по экземпляру своего сочиненія объ уніи.

Администраторъ холмской уніатской епархіи протоіерей Маркель Онуфріевичъ Попель

Въ виду важныхъ событій, происходящихъ въ настоящее время среди уніатовъ Холмской епархіи считаемъ не лишнимъ сообщить хотя краткія свѣдѣнія о личности теперешняго администратора этой епархіи, Маркела Онуфріевича Попеля. По Львовской газетѣ «Слово» онъ родился 1825 году въ галицкой деревнѣ Медуха, Бережанскаго округа, отъ родителей шляхетскаго званія. Получивъ элементарное образованіе въ четырехклассномъ нѣмецкомъ училищѣ города Галича, онъ продолжалъ его въ классическихъ гимназіяхъ Станиславова и Бугача, и наконецъ изучалъ философскія науки въ Вѣнскомъ и Львовскомъ университетахъ. Въ 1849 году онъ былъ уже преподавателемъ естественныхъ наукъ въ Львовской приготовительной школѣ для русскихъ учителей. Рукоположенный во священника въ 1850 году, онъ былъ назначенъ викарнымъ священникомъ въ городѣ Бугачѣ; затѣмъ, въ концѣ 1851 опредѣленъ законоучителемъ Тарнопольской гимназіи; въ 1859 переведенъ на должность учителя русскаго языка и словесности въ Львовскую академическую гимназію, а въ 1862 году покойнымъ Львовскимъ архіепископомъ Григоріемъ Яхимовичемъ назначенъ законоучителемъ гимназіи въ Львовѣ. Въ концѣ 1866 г. отецъ Маркель, получивъ приглашеніе отъ правительственной комиссіи народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, отказался отъ законоучительской должности въ гимназіи, и выхлопотавъ себѣ эмиграціонный паспортъ отъ австрійскаго правительства и увольненіе отъ Львовскаго архіепископа переселился съ семействомъ въ Россію, гдѣ въ январѣ 1867 назначенъ законоучителемъ Холмской гимназіи и преподавателемъ литургики въ тамошней семинаріи. Въ томъ же году онъ возведенъ въ санъ старшаго соборнаго протоіерея; въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ Холмской епархіальной консисторіи; въ 1869—епархіальнымъ экзаменаторомъ по церковной исторіи и церковному праву для священниковъ

подвергающихся испытанію по богословскимъ предметамъ, съ цѣлю полученія мѣста настоятеля прихода, а также—предсѣдателемъ комитета по возобновленію зданий Холмскихъ епархіальныхъ учреждений. Съ 16-го марта 1871 года назначенъ и понинѣ состоитъ администраторомъ Холмской епархіи. За отлично усердную службу онъ получилъ еще 1868 году орденъ св. Анны второй степени съ императорскою короною. Литературную дѣятельность свою онъ началъ корреспонденціями въ *Зорь Галицкой*, въ которой, между прочимъ, напечатана и его трагедія *Немира*. Онъ состоялъ также корреспондентомъ вѣнской газеты *Вѣстникъ*, въ которой помѣщено его разсужденіе о *тѣснѣ Бояннъ*, упоминаемомъ въ *Словѣ о полку Игоря*. Съ 1861 года онъ былъ сотрудникомъ газеты *Слово*. Его перу принадлежатъ многія передовыя статьи въ поименованной газетѣ, нѣсколько статей объ обрядовомъ вопросѣ, и обстоятельный разборъ постановленій Замойскаго собора, напечатанный въ нѣсколькихъ нумерахъ *Слова*. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ изданіи книги по поводу вступленія въ управленіе Львовскою митрополіею архіепископа Григорія подъ заглавіемъ *Зора Галицкая*. Особыми книгами онъ издалъ нѣсколько научно-богословскихъ сочиненій. Сюда относятся его *Нравственное богословіе* (1857), *Сокращенная Литургика* (1862), *Пространная Литургика* (1863), *Оно примѣровъ изъ природы для чтенія юношества* (1865). Кромѣ этого 1864 и 1865 г. онъ издавалъ церковно-литературную газету *Недѣля*.

— **Статистическія свѣдѣнія по Холмской епархіи**. Въ виду возсоединенія уніатовъ Холмской епархіи съ православною церковію, спѣшимъ сообщить статистическія данныя о Холмской епархіи, заимствованныя изъ Холмскаго Грекоуніатскаго мѣсяцослова на 1874 годъ. Всѣхъ грекоуніатовъ значилось 260,578, изъ нихъ 127,057 муж. пола и 133,521 жен. пола. Холмская епархіа обнимаетъ губерніи: Люблинскую, Сѣдлецкую, Сувальскую, Ломжинскую и Варшавскую; приходовъ въ ней числится 265, входящихъ въ составъ 12 благочиній,—6-ть въ Люблинской, 5-ть въ Сѣдлецкой, Варшавской и Ломжинской, и одно въ Сувальской губерніи. Въ Люблинской губ. 146 приходовъ, въ Сѣдлецкой 109, въ Сувальской 7, въ Ломжинской 2 и въ Варшавѣ—1 приходъ; число прихожанъ въ Сувальской губ. 10,021 чел., въ Ломжинской 552, въ Варшавѣ—до 500 чел., остальные—въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ. Холмская епархіа, по времени учрежденія, принадлежитъ къ древнимъ православнымъ русскимъ епархіямъ. Около 1250 г. кафедрa епископа была учреждена извѣстнымъ поборникомъ православія Даніиломъ Романовичемъ въ Холмѣ—куда она перенесена изъ Угровѣска. Въ 1596 г. Холмскій епископъ уклонился въ унію и Холмская епархіа, подобно другимъ Западно-русскимъ епархіямъ, испытала всѣ невзгоды и превратности политической безурядицы польскаго правительства и религіозной—отъ уніи.

Кончина Праведника *).

Клавдія Прокула, Фуміоіи Герсиліи, привѣтъ!

Ты просишь меня, мой вѣрный другъ, описать тебѣ событія, совершившіяся со дня нашей разлуки; молва о нѣ-

) Статья эта была напечатана въ Херсонскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ № 20 1848 года. Она переведена съ Французскаго изъ сочин. Евеліны Риббскуръ Александровъ Ч. Сообщена о. прот. П. Левицкимъ.

которыхъ изъ нихъ долетала до тебя, и таинственность, которою они облечены, поселяютъ въ тебѣ безпокойство о моей участи, Повинуясь своему нѣжному призыву, я стараюсь собрать въ моей памяти разбросанные обломки цѣпи моей жизни; если въ этомъ описаніи ты встрѣтишь обстоятельства, которыя поражаютъ твой разумъ, то вспомни, что верховныя творческія силы окружили непроницаемыми тѣнями наше рожденіе, существованіе и смерть и что невозможно слабымъ смертнымъ измѣрить тайны судебъ ихъ.

Я не буду напоминать тебѣ о первыхъ дняхъ моей жизни, такъ мирно пролетѣвшихъ въ Нарбонѣ подъ кровомъ родительскимъ и охраненіемъ твоей дружбы. Ты знаешь, что съ наступленіемъ моей шестнадцатой весны, я была соединена узами брака съ Римляниномъ Понтіемъ, потомкомъ древняго и знаменитаго дома, занимавшимъ тогда въ Иберіи важное правительственное мѣсто. Едва мы вышли изъ храма, какъ мнѣ должно было уже ѣхать съ Понтіемъ въ провинцію, ему ввѣренную; не радостно, но и безъ отвращенія, послѣдовала я за супругомъ, который по своимъ лѣтамъ могъ быть отцемъ моимъ... Я тосковала о васъ, тихій отеческій домъ, счастливое небо Нарбоны, прекрасныя памятники, свѣжія роци моей родины; я привѣтствовала васъ глазами, полными слезъ... Первые годы моего замужества прошли спокойно; небо даровало мнѣ сына; онъ былъ мнѣ дороже дневнаго свѣта; я раздѣляла часы мои между исполненіемъ моихъ обязанностей и удовольствіями, позволенными женщинамъ. Сыну моему минуло пять лѣтъ, когда Понтій, по особенной милости императора, былъ назначенъ проконсуломъ Іудеи. Мы отправились съ нашими служителями по живописной дорогѣ; я любовалась этою страной, богатою и плодородною, которою мужъ мой долженъ былъ управлять именемъ Рима, владыки народовъ. Въ Іерусалимѣ меня окружили почестями; но я жила въ совершенномъ уединеніи; ибо евреи, подозрительные и гордые, ненавидятъ иностранцевъ язычниковъ, какъ они насъ называютъ, говоря, что мы оскверняемъ своимъ присутствіемъ священную землю, завѣщанную имъ Богомъ предковъ ихъ. Я проводила время съ моимъ младенцемъ, посреди моихъ тихихъ садовъ, гдѣ мирты переплетались съ фишанками, гдѣ стройныя пальмы, прекраснѣе пальмъ Делоса, возвышались рядомъ съ цвѣтущими померанцовыми и гранатовыми деревьями: тамъ, подъ этою свѣжею тѣнью, я вышивала покровы для алтарей, или читала стихи Виргилія, столь усладительныя для слуха, еще болѣе сладкіе для сердца. Въ рѣдкія минуты, которыя мужъ мой могъ удѣлять мнѣ, онъ былъ мраченъ и грустенъ; какъ ни тверда была его рука, она была еще слишкомъ слабою, чтобъ удержать въ повиновеніи этотъ народъ, такъ долго независимый, возмутительный отъ природы, раздѣляемый тысячу буйныхъ сектъ, которыя соглашались между собою только въ одномъ въ бѣшеной ненависти къ имени Римскому. Одно лишь изъ значительныхъ семействъ Іерусалима оказывало мнѣ нѣкоторую дружбу; это было семейство начальника синагоги; я находила большое удовольствіе въ посѣщеніи его супруги Соломіи, образца добродѣтели и кротости; въ свиданіяхъ съ ихъ двѣнадцатилѣтнею дочерью Семидой, любезною и прекрасною, какъ розы Саарона, украсившія ея кудри... Иногда онъ говорили мнѣ о Богѣ отцевъ своихъ, читали мнѣ нѣкоторыя отрывки изъ своихъ священныхъ книгъ... И сказать ли тебѣ, Фульвія? Вспоминая, слышанныя изъ устъ Соломіи, хвалы Всевышнему Богу Іакова, этому Богу единому, невестественному, вѣчному, недоступному страстямъ и порокамъ, которымъ такъ часто мы даемъ божественныя имена на алтаряхъ нашихъ, мило-

сердому, всемогущему, соединяющему силу и благость, чистоту и величіе, вспоминая голосъ Семиды, сливавшійся съ звуками арфы, въ пѣніи святыхъ гимновъ, твореній благочестія великаго Царя израильскаго, которые я, въ свою очередь, пробовала на моей лирѣ, какъ часто тогда въ моемъ уединеніи, у колыбели моего сына, я повергалась на колѣни и призывала, почти противъ моей воли, молясь о милыхъ сердцу, этого Бога, которому сама судьба, судьба съ желѣзною рукою покоряется, какъ раба Владыкѣ, и я вставала всегда подкрѣпленною и утѣшенною. Съ нѣкоторою времени Семида была нездорова; въ одно утро, при моемъ пробужденіи, мнѣ сказали, что она скончалась безъ предсмертнаго томленія, въ объятіяхъ матери. Сраженная горестію при этой ужасной вѣсти, обнявъ моего сына, я поспѣшила къ нимъ, чтобы плакать съ несчастною Соломією. Дойдя до улицы, въ которой они жили, люди мои съ трудомъ могли положить дорогу моимъ носилкамъ: ибо флейщики, пѣвчіе и толпы народа тѣснились вокругъ дома. Остановивъ у подвѣзда, я замѣтила, что толпа разступилась предъ группою идущихъ, на которую она глядѣла съ удивленіемъ и почтительнымъ любопытствомъ. Въ первомъ изъ этой группы я узнала отца Семиды, но въ мѣсто горести, которую я ожидала прочесть на его почтенномъ лицѣ, оно выражала глубокое убѣжденіе, странную надежду, для меня непонятную; подлѣ него шли три человека, бѣдно одѣтые, простой и грубой наружности; за ними, завернувшись въ мантию шелъ мужъ, еще во цвѣтѣ лѣтъ... Я подняла на него глаза и вдругъ опустила ихъ, какъ бы предъ яркимъ сіяніемъ солнца; мнѣ казалось, что вѣнцобразныя лучи окружаютъ его локоны, ниспадавшіе по плечамъ, какъ ужителей Назарета. Не возможно выразить, что я почувствовала при взглядѣ на него; это было вмѣстѣ могущественнѣйшее влеченіе; ибо неизъяснимая сладость разливалась во всѣхъ чертахъ его и тайный ужасъ: потому что глаза его издавали блескъ, который какъ бы обращалъ меня въ прахъ. Я послѣдовала за нимъ сама не зная, куда иду. Дверь открылась, я увидѣла Семиду; она лежала на одрѣ, окруженная свѣтильниками и ароматами; она была еще прекрасна, прекрасна небеснымъ спокойствіемъ; но чело ея было блѣднѣе лилій, разсыпанныхъ у ногъ ея, и синеватый переть смерти оставилъ слѣды на ея впалыхъ ланитахъ и поблекшихъ уже устахъ. Соломія сидѣла подлѣ нея безмолвная, почти лишенная чувствъ; она казалось, даже невидѣла насъ. Іаиръ, отецъ молодой дѣвицы, бросился къ ногамъ незнакомца, остановившагося у постели, и, указывая ему краснорѣчивымъ жестомъ на усоншую, вскричалъ: „Господи, дочь моя въ рукахъ смерти! но если Ты пожелаешь, она оживетъ!“

Я затрепетала при этихъ словахъ; сердце мое какъ бы приковалось къ каждому движенію незнакомца. Онъ взялъ руку Семиды, устремилъ на нее свои могучіе взоры и произнесъ: „встань, дитя мое!“

Фульвія! она повиновалась! Семида приподнялась на своемъ ложѣ, поддерживаемая невидимой рукою, глаза ея открылись, нѣжный цвѣтъ жизни разцвѣлъ на ея устахъ, она протянула руки и вскричала: „маменька!“ Этотъ крикъ воскресилъ Соломію, мать и дочь судорожно прижались другъ къ другу, а Іаиръ, простершись на земли и обсыпая поцѣлуйми края одежды того, кого называлъ учителемъ, повторялъ: „что должно дѣлать, чтобы служить Тебѣ! чтобъ получить жизнь вѣчную!“

Изучать и исполнять два правила закона, любить Бога и человеков!

Сказавъ это, онъ скрылся отъ насъ, какъ эфирная и свѣтлая тѣнь. Я была на колѣняхъ, сама того не зная; вставъ, какъ бы подъ вліяніемъ сна, я возвратилась домой, оставя блаженное семейство на вершинѣ наслажденій, для изображенія коихъ не создавъ ни кисти, ни пера. За вечернимъ столомъ я рассказала Понтію все, чему была свидѣтельницей; онъ поникъ головой и сказалъ: Ты видѣла Иисуса Назарянина; это предметъ ненависти фарисеевъ, саддукеевъ, партіи Ирода и гордыхъ левитовъ храма; каждый день увеличивается эта ненависть и мщеніе ихъ виситъ надъ главою его, а между тѣмъ рѣчи Назарянина—это рѣчи мудреца, и чудеса Его—чудеса истиннаго Бога.

За что же они ненавидятъ его? За то, что онъ обличаетъ ихъ пороки и ипокритизмъ;—я слышала его въ одинъ день: „убѣленные гробы, порожденія ехидны, говорилъ онъ фарисеямъ, вы взваливаете на рамена братій вашихъ ноши, до которыхъ бы не хотѣли коснуться концемъ пальца, вы платите подати за травы, мяту и тминъ, но мало заботитесь объ уплатѣ должнаго законамъ вѣры, правосудія и милосердія!“ Смыслъ этихъ словъ глубокой и истинный, слишкомъ глубокой и слишкомъ истинный; они раздражали этихъ надменныхъ людей и горизонтъ очень мраченъ для Назарянина!

Но ты будешь защищать его, вскричала я съ жаромъ; ты имѣешь здѣсь полную власть!

Моя власть ничто иное, какъ призракъ предъ этимъ мятежнымъ и коварнымъ народомъ... Между тѣмъ я бы душевно страдала, если бы долженъ былъ пролить кровь этого мудреца. Съ этими словами Понтій всталъ и вышелъ, погруженный въ глубокую думу, я осталась одна въ мрачной и не выразимой грусти.

День пасхи приближался. На этотъ праздникъ, столь важный у евреевъ, стекалось въ Иерусалимъ безчисленное множество народа со всѣхъ концовъ Іудеи, для принесенія во храмъ торжественной жертвы.

Въ четвергъ, предшествовавшій этому празднику, Понтій сказалъ мнѣ съ горестію:

„Будущность Иисуса Назарянина очень неутѣшительна, голова его оцѣнена, и сего дня же, вечеромъ, онъ можетъ быть преданъ въ руки архіереевъ“

Я задрожала при этихъ словахъ и повторила: „но ты защитишь его?“

Могу ли я это сдѣлать? сказалъ Понтій съ мрачнымъ видомъ; судьба, которую Платонъ предрекъ своему воображаемому Праведнику, кажется угрожаетъ Иисусу; онъ будетъ преслѣдуемъ, измѣннически преданъ и осужденъ на смерть жестокою.... Такъ то боги издѣваются надъ слабостію смертныхъ....

Насталъ часъ успокоенія, но едва я склонила голову на подушку, какъ таинственныя грезы овладѣли моимъ воображеніемъ. Я видѣла Иисуса, я видѣла его такимъ какъ Соломія описывала мнѣ своего Бога: ликъ его блисталъ какъ солнце, онъ парилъ на крыльяхъ херувимовъ, пламенныхъ исполнителей повелѣній его; остановясь въ облакахъ, онъ казался готовымъ судить *поколонія народовъ, собранныя у его подножія*. Мановеніемъ своею десницы Онъ отдѣлялъ

добрыхъ отъ злыхъ; первые возносились къ нему, сіяющіе вѣчною юностію и божественною красотою; а вторые низвергались въ бездну огня, предъ коимъ ничто огонь Ерева и Флегетона, и когда судія, указывая имъ на раны, покрывавшія его тѣло, говорилъ имъ громовымъ голосомъ: „Воздайте кровь, которую я пролилъ за васъ!“ Тогда эти несчастные просили у горъ покрыть и земли поглотить ихъ... Тщетно они чувствовали себя безсмертными для мукъ, безсмертными для отчаянія.... О! какой сонъ, или вѣриѣе сказать, какое откровеніе. Лишь только заря зарумянила вершины храмовъ, я встала съ сердцемъ еще сжатымъ отъ ужаса; я сѣла у окна, чтобы подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Мало по малу мнѣ показалось, что смертоносный ревъ выходилъ изъ центра города, крики, проклятія, болѣе ужасныя, нежели гулъ взволнованнаго океана, доходили до меня; я прислушивалась, сердце страшно билось, чело обливалось ледянымъ потомъ; вдругъ я замѣтила, что этотъ гулъ приближается болѣе и болѣе, что подъ гнетомъ безчисленной толпы, стонетъ мраморная лѣстница, ведущая въ преторъ. Терзасмая неизвѣстностію, я беру на руки сына, который игралъ подлѣ меня, укутываю его въ складкахъ покрывала и бѣгу къ моему мужу. Дойдя до внутренней двери судилища и слыша за нею голоса, я не смѣла войти, но приподняла пурпуровую занавѣсъ. Какое зрѣлище Фульвія! Понтій сидѣлъ на своемъ тронѣ изъ слововой кости, во всемъ великолѣпіи, коимъ Римъ окружаетъ своихъ представителей; но подъ безстрашнымъ выраженіемъ, которымъ онъ старался облечь свое лицо, я угадала страшное волненіе; предъ нимъ, съ связанными руками, въ изодранной насиліемъ одеждѣ, съ окровавленнымъ челомъ, стоялъ Иисусъ Назарянинъ; спокойный, неподвижный; въ его чертахъ не было ни гордости, ни страха; онъ былъ тихъ, какъ невинность; покоренъ какъ агнецъ; но его кротость наполняла меня ужасомъ: потому что мнѣ слышались еще слова моей грезы: Воздайте кровь, которую я пролилъ за васъ! Вокругъ его обѣсновалась презрѣнная толпа, привлекавшая его на судилище; къ ней присоединилось нѣсколько полицейскихъ служителей, часть духовенства и фарисеевъ съ дерзкими взглядами; ихъ легко было узнать по пергаментнымъ табличкамъ, съ начертаніемъ различныхъ текстовъ закона, которыя они носили на лбу; всѣ эти страшныя лица дышали ненавистію; казалось, что адское пламя отсвѣчивается на этихъ глазахъ и что духи Тенара смѣшивали свои голоса съ дикими криками неистоваго бѣшенства; наконецъ, по знаку Понтія, водворилось молчаніе.

Чего вы отъ меня хотите, сказалъ онъ.

Мы требуемъ смерти этого чловѣка, Иисуса Назарянина, отвѣчалъ одинъ изъ священниковъ отъ лица народа. И родъ посылаетъ его къ тебѣ, для произнесенія приговора.

Въ чемъ же состоитъ его преступленіе? При этомъ вопросѣ снова раздались крики: онъ предсказывалъ разрушеніе храма, онъ называетъ себя царемъ Іудейскимъ, Христомъ, Сыномъ Божіимъ; онъ оскорбляетъ первосвященниковъ, сыновъ Аарона, говорили левиты. Да будетъ онъ распятъ, повторилъ народъ, разсвирѣпѣлый, яростный.

Эти вопли смерти до сихъ поръ раздаются въ ушахъ моихъ и образъ непорочной жертвы, съ той минуты, безпрестанно представляется глазамъ моимъ. Понтій возвысилъ голосъ и, обратясь къ Иисусу, ласково сказалъ ему: и такъ, ты царь Іудейскій?

Ты говоришь это, отвѣчалъ онъ.

Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?

Иисусъ не отвѣчалъ ни слова; вопли возобновились пронзительнѣе прежняго, какъ рыканія голодныхъ тигровъ. Отдай его намъ, на крестъ его! Понтій заставилъ ихъ наконецъ замолчать и сказалъ имъ: я не нахожу ничего преступнаго въ этомъ человѣкѣ и хочу отпустить его.

Отдай его намъ, распни его! Я не могла слушать долѣе; призвала невольника и послала его къ моему мужу, прося у него минуты свиданія. Понтій немедленно оставилъ судилище и пришелъ ко мнѣ; я бросилась передъ нимъ на колѣни, говоря: ради всего, что тебѣ дорого, свято, ради этого дитяти, священнаго залога нашего соединенія, не будь участникомъ въ смерти этого праведника, подобнаго Богамъ безсмертнымъ; я видѣла его въ эту ночь; въ чудномъ снѣ облеченнаго божественнымъ величіемъ; онъ судилъ людей трепетавшихъ предъ нимъ, и между тѣмъ несчастныхъ, низвергнутыхъ въ бездну пламени я узнала лица тѣхъ, которые теперь требуютъ его смерти; берегись поднять на него святотатственные руки. О! вѣрь мнѣ, одна капля крови запечатлѣетъ на вѣки твое осужденіе.

Все, что происходитъ, ужасаетъ меня самого, отвѣчалъ Понтій; но что я могу сдѣлать? Римская когорта очень немногочисленна, и эта защита слишкомъ слабая противъ этого народа какъ бы вдохновляемаго демонами. Гибель угрожаетъ намъ... и этотъ судъ подобенъ храму Евменія, гдѣ отъ него ждуть не правосудія, но мщенія. Но успокойся, Клавдія, иди въ садъ, занимайся нашимъ сыномъ, твои глаза не созданы для этихъ кровавыхъ сценъ. Съ этими словами онъ вышелъ. Оставшись одна, я предалась отчаянной горести. Иисусъ былъ еще предъ судомъ предметомъ насмѣшекъ, оскорбленій, черни и воиновъ; порывы ихъ ярости ровнялись его неодолимому терпѣнію. Понтій въ раздуміи возвратился на свое сѣдалище правосудія. При его появленіи крики: смерть! смерть! раздались оглушительнѣе прежняго. По освещенному временемъ обычаю, правитель, на праздникъ Пасхи освобождалъ всегда одного изъ осужденныхъ на казнь, въ знакъ благоволенія и милосердія; въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ онъ всегда обращался къ выбору народа. Видя, можетъ быть, въ этомъ обстоятельствѣ возможность спасти Иисуса, Понтій сказалъ громкимъ голосомъ: котораго отпустить вамъ на праздники, Варавву или Иисуса, названнаго Христомъ? Отпустите Варавву, вскричала толпа.

Варавва былъ грабитель и убійца, извѣстный всей окрестности по своимъ жестокостямъ.

Понтій снова спросилъ: что же мнѣ дѣлать съ Иисусомъ Назаряниномъ? „Да будетъ распятъ!“

Но какое же зло онъ сдѣлалъ? Увлеченная яростію толпа повторяла: да будетъ распятъ.

Понтій опустилъ голову въ отчаяніи; непрерывно возрастающая дерзость черни, казалось, угрожала его власти, — власти имени Римскаго, которою онъ такъ дорожилъ и которая въ Иерусалимѣ не имѣла другой защиты, кромѣ своей славы; ибо весьма немногіе воины присягнули орламъ нашимъ. Волненіе увеличивалось ежеминутно; никогда бурный шумъ цирка, никогда пренія форума не имѣли такого вліянія на слухъ мой; нигдѣ не было спокойствія; оно обитало только на величественномъ челѣ жертвы; оскорбленія, пытки, приближеніе позорной и мучительной смерти, ничто

не могли отуманить этого небесно-яснаго взгляда; эти очи, возвратившія жизнь дочери Гаира, обращались на своихъ палачей съ неопредѣленнымъ выраженіемъ мира и любви: онъ страдалъ, безъ сомнѣнія, но страдалъ съ радостью; и душа его, казалось, улетала къ невидимымъ престоломъ, какъ чистое пламя святаго всеожженія. Преторъ была наводнена народомъ; онъ стремился, этотъ бурный потокъ, отъ вершинъ Сіона, гдѣ воздвигнуть храмъ, до подошвы судилища и каждую минуту новые гелоса присоединялись къ этому адскому хору. Мужъ мой, утомленный, испуганный, уступилъ наконецъ. О! вѣчно пагубный часъ. Понтій всталъ сомнѣніе и мертвенный ужасъ изобразились на его лицѣ; символическимъ жестомъ онъ омочилъ руки въ урну, полную воды, и воскликнулъ: я невиненъ въ крови этого праведника!

Да падетъ она на насъ и дѣтей нашихъ! завопилъ безумный народъ. И, столпясь вокругъ Иисуса, палачи повлекли его въ бѣшенствѣ; я слѣдовала за жертвой уже ведомой на закланіе... Вдругъ туманъ омрачилъ мое зрѣніе, колѣни подогнулись; по судорогамъ моего сердца мнѣ казалось, что жизнь моя коснулась своей грани... Я опомнилась на рукахъ моихъ женщинъ, подлѣ огня, выходившаго на дворъ судилища; я взглянула и увидѣла слѣды свѣжіе пролитой крови. Здѣсь бичевали Назарянина, сказала одна изъ невольницъ, а тамъ вѣнчали его терніемъ, сказала другая; солдаты насмѣхались надъ нимъ, называя его царемъ Іудейскимъ, и били его по ланитамъ; теперь онъ выпускаетъ духъ, сказала третія.

Каждое изъ этихъ словъ, подобно кинжалу, пронзало мое сердце; подробности ужаснаго злодѣяства удваивали мою горестъ; по терзанію моей груди я чувствовала, что было нѣчто сверхъ-естественное въ событіяхъ этого несчастнаго дня. Небо, казалось, гармонировало съ трауромъ моей души; огромные облака страшными формами висѣли надъ землею и изъ ихъ сѣрпистыхъ нѣдръ вылетали блѣдныя молніи; городъ, столь шумный въ продолженіи утра, былъ угрюмъ и безмолвенъ, какъ будто смерть распростерла надъ нимъ свои черныя крила.

Невыразимый ужасъ приковывалъ меня къ одному мѣсту; прижавъ къ груди мое дитя, я ожидала, не зная, что было предметомъ моего ожиданія. Къ девятому часу дня мракъ сгустилъ воздухъ, ужасное потрясеніе всколебало землю, все трепетало; можно было подумать что міръ разрушится и стихіи возвратятся въ прежній хаосъ; я припала къ землѣ. Въ это время одна изъ моихъ женщинъ, іудейка по рожденію, вошла въ комнату, блѣдная, отчаянная, съ блуждающими глазами, она вскричала: насталъ послѣдній день! Богъ возвѣщаетъ это чудесами. Завѣса храма, скрывавшая святыню святыхъ, распалась на двое; горе мѣсту святому; говорятъ, что гробы открылись и многіе видѣли возставшихъ праведниковъ, погибшихъ въ Иерусалимѣ пророковъ и священниковъ, отъ Захаріи, убиеннаго между храмомъ и жертвенникомъ, до Іереми предсказывавшаго паденіе Сіона.

Мертвые возвѣщаютъ намъ гнѣвъ Божій! Кара Всевышняго разливается съ быстротою пламени. При этихъ словахъ мнѣ показалось, что я теряю рассудокъ; я встала едва передвигая ноги, и вышла на лѣтницу; тамъ я встрѣтила сотника, участвовавшаго въ казни Иисуса; этотъ сотникъ былъ ветеранъ, посѣдѣлый въ болахъ съ Германцами и Спартами никогда болѣе смѣлое сердце не билось въ болѣе твердой груди: но въ эту минуту онъ былъ разстроенъ; из-

немогль отъ мукъ раскаянія; я хотѣла распресить его; онъ прошелъ мимо меня, повторяя въ забытіи. Тотъ, кого мы убили, былъ истинный Сынъ Божій!!

Я вошла въ большую залу; тамъ сидѣлъ Понтій, закрывъ лице руками; поднявъ голову при моемъ появленіи, онъ сказалъ въ отчаяніи: ах! почему я не послушался твоихъ совѣтовъ, Клавдія, почему я не защищалъ этого мудреца цѣною жизни моей! Мое гнусное сердце не вкуситъ болѣе покоя. Я не смѣла отвѣчать, у меня не было утѣшеній для этого невознаграждаемаго несчастія, на вѣки заклеившаго насъ печатью гибели. Молчаніе прерывалось только раскатами грома, страшно раздававшася подъ сводами дворца. Не смотря на эту бурю, какой-то старикъ явился у входа въ наше жилище; его ввели къ намъ; онъ со слезами бросился къ ногамъ моего мужа... Имя мое Іосифъ Аримаейскій, я пришелъ умолять тебя дозволить мнѣ снять съ креста тѣло Іисуса и погребсти его въ саду мнѣ принадлежащемъ!!

Возми, отвѣчалъ Понтій, не поднимая глазъ. Старецъ вышелъ; я видѣла, что къ нему присоединилась группа женщинъ въ длинныхъ покрывалахъ, ожидавшихъ его подъ портикомъ.

Такъ кончился этотъ роковой день. Іисусъ былъ погребенъ въ могилѣ, выротою въ скалѣ; у входа въ пещеру поставлена была стража. Но, Фульвія, въ третій день сіяющей славою и побѣдою, онъ явился надъ этимъ гробомъ! онъ воскресъ, исполнивъ свое предрѣченіе и торжествуя надъ смертію, предсталъ своимъ ученикамъ своимъ друзьямъ и, на конецъ многочисленному собранію народа. Такъ свидѣтельствуютъ о немъ ученики свидѣтельство; подтверждено ихъ кровію, пролитою за Господа Іисуса предъ тронами князей и судей. Но самое вѣрное о немъ свидѣтельство есть его ученіе, ввѣренное нѣсколькимъ рыбакамъ Тиверіады; это ученіе распространилось уже по всей имперіи; эти люди, простые смиренные, вдругъ стали краснорѣчивы и мужественны; новая вѣра возрастаетъ, какъ тѣнистое дерево, коего благородный корень покроетъ нѣкогда всѣ корни имени, религіи и славы Римлянъ.

Съ того времени ни въ чемъ нѣтъ успѣха моему мужу; онъ обвиненъ въ своемъ поступкѣ Сенатомъ и самимъ Тиверіемъ; онъ добыча ненависти Іудеевъ; онъ презираемъ тѣми, коихъ страстямъ онъ послужилъ; жизнь его отравлена и мученіе. Мое уединеніе увеличилось. Солонія и Семида смотрѣли со страхомъ на жену преслѣдователя палача возлюбленнаго своего Господа, ибо онѣ сдѣлались ученицами того, кто возвратилъ ихъ другъ другу. Я видѣла, не смотря на ихъ кроткую доброту, невольный трепетъ на ихъ лицахъ, при моемъ приближеніи, и скоро перестала посѣщать ихъ. Я углубилась, въ моемъ одиночествѣ, въ непрерывное изученіе нѣкоторыхъ изъ нравоученій Іисуса, переданныхъ мнѣ Соломією и списанныхъ мною. О другъ мой! Какъ ничтожна суетная мудрость жрецовъ нашихъ предъ этимъ ученіемъ, которое одинъ только Богъ могъ завѣщать землѣ; о! какъ глубоко мудры эти рѣчи, какъ онѣ дышатъ миромъ и благостію; перечитывать ихъ—есть мое единственное утѣшеніе.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Понтій былъ лишенъ своей власти-мы возвратились въ Европу; блуждая изъ города въ городъ онъ влачилъ за собою повсей Имперіи поху скорби своей возмущенной и изтоленной отчаяніемъ души. Я послѣдовала за нимъ (жена Каина, говорятъ евреи, послѣдовала за

своимъ изгнаннымъ мужемъ), но какова жизнь моя съ нимъ! Дружба, довѣренность супружеская не существуютъ между нами. Онъ видитъ во мнѣ свидѣтеля, живое воспоминаніе своего преступленія; я вижу воздвигающійся между нами обрядъ окрававленнаго креста, на которомъ онъ, судія незаконный, пригвоздилъ невиннаго и Праведнаго; я не смѣю поднять на него глазъ; звукъ его голоса, этого голоса произнесшаго приговоръ, леденитъ мое сердце; и когда послѣ стола онъ совершаетъ омовеніе, мнѣ кажется, что онъ погружаетъ руки не въ чистую воду, но въ дымящуюся кровь, которой слѣды не могутъ изгладиться. Однажды я хотѣла говорить ему о раскаяніи и милосердіи Всемогущаго; но я никогда не забуду ни его звѣрскаго взгляда, ни отчаянныхъ словъ, вырвавшихся изъ устъ его.... Скоро сынъ мой, мой возлюбленный, умеръ въ моихъ объятіяхъ и я не оплакивала его.... Счастливецъ, онъ умеръ блаженный, онъ избавился отъ проклятія преслѣдующаго насъ; онъ свергнулъ съ себя страшную ношу имени отца своего! Несчастія вездѣ бѣгутъ за нами, ибо вездѣ есть уже христіане; здѣсь, даже въ этой дикой странѣ Rhedon, гдѣ мы нашли убѣжище у туманныхъ морскихъ и безотрадныхъ жилъ, и здѣсь я слышу съ какимъ отвращеніемъ произносится имя моего мужа... Я узнала, что Апостолы, прощаясь другъ съ другомъ, предъ отправленіемъ на проповѣдь Евангелія, начертали въ изложеніе своей вѣры эти истительные слова, онъ страдалъ при Понтіи Палатѣ, страшная анаема, которую будутъ повторять вѣка: Passus est sub Pontio Pilato! (распятъ при Понтійствѣ Пилатѣ). Прощай, Фульвія, пожалѣй обо мнѣ; да возможетъ Правосудный Богъ даровать тебѣ все счастье, котораго нѣкогда мы желали другъ другу,—прости!

Свѣдѣнія о ходѣ церковно-строительнаго дѣла въ Гродненской губерніи.

Современи открытія въ Гродненской губерніи церковно-строительныхъ работъ сооружено на счетъ правительства, съ участіемъ добровольныхъ пожертвованій прихожанъ, новыхъ приходскихъ церквей 59, въ числѣ коихъ только 4 деревянныя, перестроено 10-ть упраздненныхъ костеловъ, изъ которыхъ одинъ только деревянный, капитально исправленъ 29 церквей и построена одна каменная колокольня. Кромѣ того при незначительномъ пособіи отъ казны сооружено на средства прихожанъ 15 приписныхъ церквей, а всего 114 церквей.

На всѣ исчисленныя церкви употреблено изъ казны 479,667 руб. 1 коп., въ томъ числѣ на 59 новыхъ приходскихъ церквей затрачено 382,088 руб. 70 коп., на перестройку 10 упраздненныхъ костеловъ 40,875 руб. 34 коп. и на капитальное исправленіе 29 церквей и постройку одной колокольни 56,702 руб. 97 коп. Пожертвованія же со стороны прихожанъ матеріалами, рабочимъ трудомъ и наличными деньгами достигаютъ цифры 158,218 руб. 96 к.

Въ 1874 году, по распоряженію губернскаго церковно-строительнаго присутствія, начато сооруженіе 2-хъ каменныхъ церквей и возобновленіе 2-хъ каменныхъ старыхъ

церквей. Продолжались постройки новыхъ церквей 12 каменныхъ, 1 деревянной и 1 каменной колокольни, а также починка 4 каменныхъ и 1 деревянной. Такимъ образомъ въ сказанномъ году производились работы по устройству 23 церквей, изъ числа коихъ окончено въ томъ же году 6 церквей и 1 каменная колокольня, а также исправлено 4 каменныхъ и 1 деревянная церковь.

На эти работы употреблено церковно-строительнаго капитала 40,905 руб. 29 коп. Въ томъ числѣ на работы продолжавшіяся и оконченыя 30715 руб. 56 коп. и на работы начатыя 10,189 руб. 73 коп. Сверхъ того употреблено пожертвованныхъ мѣстными прихожанами 453 руб. 69 коп.

Кредита на постройки церквей въ Гродненской губерніи назначено было по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1874 году 21,598 руб. 70 коп. и оставалось въ распоряженіи губернскаго церковно-строительнаго присутствія отъ прошлыхъ лѣтъ 33,539 руб. 22 коп., всего 55,137 руб. 92 коп., такъ что въ истекшемъ году употребленъ на производство работъ не только весь капиталъ, ассигнованный на сей предметъ министерствомъ, но израсходовано сверхъ сего изъ запаснаго капитала, оставшагося отъ прошлыхъ лѣтъ, 19,306 руб. 56 коп.

Церковно-строительное присутствіе, озабочиваясь дѣльнейшимъ успѣхомъ церковно-строительнаго дѣла, представило въ 1874 году министерству внутреннихъ дѣлъ предположеніе на постройку новыхъ и продолженіе начатыхъ 15 церквей и на этотъ предметъ испросило кредита на текущій годъ 49,977 руб. 27 коп., въ томъ числѣ на новыя работы 23,347 руб. 70 коп., на продолженіе начатыхъ новыхъ церквей 23,425 руб. 75 коп. и на исправленіе и пердѣлку одной старой церкви 3,203 руб. 82 коп.

Къ болѣе выдающейся дѣятельности истекшаго года по церковному дѣлу принадлежитъ составленіе соединеннымъ присутствіемъ по улучшенію быта православнаго духовенства и церковно-строительнаго общаго проекта росписанія должествующихъ бытъ въ Гродненской губерніи самостоятельныхъ приходскихъ церквей и состава при оныхъ причтовъ. Проектъ этотъ представленъ тѣмъ же присутствіемъ на окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе въ Высочайшій учрежденное присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства.

Нафанаилъ, архіепископъ черниговскій. (Некрологъ). 4-го марта скончался въ Черниговѣ преосвящ. Нафанаилъ

Дозволено цензурой. Цензоръ, Протоіерей
Николай Дмитревскій.

(въ мѣрѣ Николай Ивановичъ Савченковъ), архіепископъ черниговскій и нѣжинскій. Воспитаникъ II курса кievской академіи, онъ окончилъ ученіе въ 1825 году и поступилъ на службу священникомъ. Овдовѣвъ за тѣмъ, онъ, въ 1833 году, принялъ монашество, и съ 1834 по 1845 годъ занималъ послѣдовательно должность ректора подольской и костромской семинарій. Въ 1845 г. онъ рукоположенъ былъ во епископа ревельскаго, викарія с.-петербургской митрополии, а въ 1850 г. переведенъ на кафедру епископа старорусскаго и, за тѣмъ, въ томъ же году переименованъ въ Полтаву, гдѣ и оставался до 1860 года. Прослуживъ, послѣ того, епископомъ въ Архангельскѣ десять лѣтъ, преосвящ. Нафанаилъ переведенъ былъ въ 1871 году въ Черниговъ, и въ истекшемъ 1874 году возведенъ въ санъ архіепископа.

Кумысо-Лечебное заведеніе въ г. Ольвиополѣ.

Открываетъ свое дѣйствіе и въ настоящемъ 1875 году, первыхъ чиселъ мая, съ болѣе приспособленными удобствами для больныхъ. Кумысъ готовится изъ чистаго кобыльаго молока самаго лучшаго качества, двумя татарами специалистами, подъ наблюденіемъ самаго доктора.

Курсъ Леченія:

- 1) Шесть недѣль 55 руб.
- 2) Четыре недѣли 40 —
- 3) Двѣ недѣли (прох.) 18 —
- 4) Дѣти моложе 10 лѣтъ платятъ половину.
- 5) Дѣти до 15 лѣтъ пользуются уступкою 25 %.
- 6) Представившіе свидѣтельство о бѣдности пользуются уступкою 25 %.

Подробные свѣдѣнія гг. желающіе могутъ получить въ конторѣ Заведенія въ г. Ольвиополѣ.

Д-ръ Хржамовскій.
(2)

Содержаніе № 14.

ПРАВИТ. РАСПОРЯЖЕНІЯ. Награда. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Назначенія. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Отъ Правленія Литовской дух. Семинаріи. Отъ Редакціи. Вакансіи. НѢОФИЦ. ОТДѢЛЪ. Пассія. Прощаніе депутаціи Холмской еп. съ г. Министромъ внутр. дѣлъ. Посѣщеніе ею С.-ПБ. дух. академіи. М. О. Попель. Статист. свѣдѣнія о Холмской епархіи. Кончина Праведника. О ходѣ церковно-строител. дѣла въ Гродненской губерніи. Нафанаилъ, архіепископъ Черниговскій (Некрологъ). Объявленія.

Предыдущій № сданъ на почту 6-го Апрѣля.

Редакторъ, Священникъ Іоаннъ Котовичъ.

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія г. Вильна. Ивановская у. № д. 11—1875 г.